

2017

Подобное случается только с истинными поэтами – написать строку и точно попасть в Вечность. Более ста лет назад, в 1887 году, Николай Минский выдохнул: «Как сон, пройдут дела и помыслы людей. Забудется герой, истлеет мавзолей...».

Каждый год, пятнадцатого января, я достаю из-под стекла плохонькую, скопированную ещё с дореволюционного издания, фотографию Николая Максимовича и зажигаю свечу. Очень трудно при этом отделаться от ощущения, что ты – единственный человек на земле, который помнит о дне рождения этого удивительного человека. Хотя, между прочим, недавно исполнилось сто шестьдесят два года со дня его рождения, а в июле будет ровно 80 лет со дня кончины... Сведения о поэте, по праву считающемся одним из «отцов» русского символизма в поэзии, крайне скупы, а зачастую и противоречивы даже в специализированных энциклопедиях. Особенно шокирующим это выглядит на фоне того, что изучению творчества Н. Минского немало времени уделяет английская исследовательница Аврил Пайман, опубликовавшая в Лондоне на своём родном языке пространную

Н.М. Минский. 1855 – 1937

статью на эту тему. В России с некоторых пор его стихи регулярно включают в различные антологии. Но всё, что связано с личной судьбой поэта, прошедшего два последних десятилетия своей жизни в эмиграции, описано более чем скудно. Даже дата его рождения в различных изданиях указывается с колоссальной разбежкой – от 05.01.1855 г. в первом издании словаря «Русские писатели» (М., 1971) до 15.01.1885 г. во втором выпуске этой же книги (М., 1990). Причем, обе эти даты ошибочны...

Между прочим, было время, когда вся читающая Россия наи-

зудь декламировала строки поэта, который и «Минским» – то стал лишь потому, что взял себе такой псевдоним из любви к отеческим местам. «Сны мимолётные, сны беззаботные снятся лишь раз...», – записывали в пахнущие духами альбомы светские дамы. А мечтательные курсистки выводили в тетрадках крупными буквами: «Я влюблён в свое мечтанье полюбить, я грущу о том, что не о чем грустить...». Стремительному росту популярности поэта способствовало и то, что первый сборник его стихов был уничтожен по личному распоряжению министра внутренних дел графа Д. Толстого, а великий И. Репин, прочитавший в нелегальной газете «Народная воля» поэму Н. Минского «Последняя исповедь», написал по её сюжету своё знаменитое полотно «Отказ от исповеди перед казнью». Другой классик, И. Гончаров, пришёл в состояние «удивительного волнения» от поэмы Н. Минского «На Родине» и незамедлительно опубликовал её в «Вестнике Европы», после чего поэт стал постоянным автором этого журнала. Было отчего гордиться собой – с Н. Минским схлёстывались в спорах Владимир Соловьёв и Вячеслав Иванов. Его почитал как своего учителя Фёдор Сологуб. О поэзии Н. Минского с восхищением писал выдающийся критик С. Венгеров. Даже сверхпридирчивый А. Блок ставил лучшие произведения Н. Минского в один ряд с лучшими стихами Д. Мережковского, К. Фофанова, З. Гиппиус. Хотя, будем откровенны, не обходилось и без серьёзных упреков во вторичности, в стремлении выразиться «не-

красовским языком без некрасовской мощи» и весьма прозрачных намёков на присутствие в лексике поэта «неуловимо нерусских выражений».

Уничжительным тоном писали о поэте Л. Троцкий и Г. Плеханов. Первому виделся в личности Н. Минского чуждый его классовым пристрастиям «элемент», второй никак не мог простить поэту непродолжительного сотрудничества с Лениным, когда увлеченный революционными идеями Н. Минский сумел в 1905 году получить разрешение на издание (совместно с М. Андреевой) газеты «Новая жизнь», которую незамедлительно предоставил в распоряжение большевиков. Именно здесь, в первой легальной большевистской газете, впервые опубликованы знаменитая ленинская статья «Партийная организация и партийная литература», программа социал-демократов, «Заметки о мещанстве» М. Горького. Между прочим, с горьковской статьёй редактор газеты был в корне не согласен и даже написал пространный материал, в котором разносил её в пух и прах, но редколлегия посчитала возможным статью Н. Минского отклонить...

Да и вообще, упомянутое редакторство принесло Николаю Максимовичу одни неприятности. Попытка примирить «мистическую истину», которой он тогда увлекался, с идеями социал-демократов окончилась арестом и привлечением к суду. С огромным трудом удалось бежать за границу. Так уроженец села Глубокое, что на Витебщине, недавний золотой медалист минской гимназии, выпускник юридического факультета Петербургского университета Николай Минский оказался в Париже...

А до этого в жизни поэта произошло столько удивительных событий, что их вполне бы хватило на несколько человеческих судеб.

Родившийся 15 января 1855 года поэт своего рано умершего отца не помнил и о своем происхождении знал лишь то, что фамилию, которая значилась в его светских документах – Виленкин, он получил от отчима, местного еврея-мещанина, женившегося на его овдовевшей матери. Судьбой пасынка отчим интересовался мало, и, едва получив образование, Н. Минский вынужден был собственными усилиями добывать средства к существованию – на протяжении полутора лет был репетитором в семье барона Г. Гинцбурга, служил архивариусом, состоял присяжным поверенным.

В творчестве поэта отчётливо просматривается разделение на три различных периода, и весьма любопытно, что каждому из

них сопутствовала... очередная женитьба. На первом этапе поэт явно увлёкся поэзией «народной скорби», перерастающей в модную тогда тему больного поколения, мечущегося между жадной борьбы и неуверенностью в себе. При этом поэт решительно противопоставлял себя Н. Некрасову, некогда написавшему: «Средь мира дольного, для сердца вольного, есть два пути...». Для Минского же оба пути равнозначно ведут в никуда: «Проклятье в том, что не дано единого пути. Блаженство в том, что всё равно, каким путём идти...».

Именно в это время Н. Минский, демонстративно проигнорировав сословные и национальные предрассудки, разъедавшие российское общество, принял православие и обвенчался с Юлией Яковлевой, писавшей популярные повести и рассказы под псевдонимом Юлия Безродная. Женился Минский, скорее всего, от отчаяния – отец первой и главной любви его жизни, Зинаиды Венгеровой, управлявший в то время банком в Минске, отказал молодому поэту, когда тот попросил руки Зинаиды Афанасьевны. Хотя любовь оказалась в жизни этих двоих людей куда сильнее отцовского запрета...

В середине 1880-х годов поэт достаточно резко переменял взгляды, поместив в киевской газете «Заря» статью «Старинный спор», явившуюся первым в русской литературе манифестом декадентской поэзии. Автора волновали уже не гражданские рефлексии, а мистические переживания: «Я цепи старые свергаю, молитвы новые пою...».

В этот же период распался и недолговечный брак с Ю. Безродной, место которой рядом с поэтом заняла примадонна тогдашних литературных салонов Людмила (до принятия православия в 1891 – Изабелла) Вилькина (по гимназическим документам – Вилькен), приходившаяся Зинаиде Венгеровой... родной племянницей.

Вторая жена Н. Минского была на восемнадцать лет моложе своего супруга, красавица, писала превосходные сонеты, донныне включаемые в антологии, и пользовалась головокружительным успехом среди коллег по перу. Однажды, утомившись от назойливых ухаживаний представителей питерской богемы, Людмила Николаевна даже собиралась устроить своеобразный вернисаж полученных ею любовных посланий. Едва не разразился огромный скандал... Любвеобильный Валерий Брюсов попытался завести с ней роман, посвящал ей стихи, целый год в своем дневнике обозначил как «период увлечения Людмилой»,

но когда получил недвусмысленный отказ, разгромил в печати сборник Л. Вилькиной «Мой сад»...

Об эпатазирующих общество поступках Людмилы Николаевны ходили легенды. Корней Иванович Чуковский в своих мемуарах вспоминал, что когда в революционные дни 1905 года он пошёл с Вилькиной на митинг, революционный энтузиазм поэтессы разгорелся таким пламенем, что «когда ей нравился какой-нибудь оратор, она громко восклицала, глядя на него в лорнет: “Чуковский! Я хочу ему отдаться!”». А бывший сотрудник журнала «Аполлон» фон Гюнтер в своих воспоминаниях описывал, как они с поэтом М. Кузминым уже после десяти вечера прогуливались по Малой Морской улице, и поэт, несмотря на позднее время, предложил ему зайти в гости к проживавшей в тамошней гостинице Людмиле Николаевне: «Мы вошли в её спальню. Она уже лежала в постели, и на ней была кружевная ночная рубашка с глубоким декольте, от которого у меня помутилось в голове. Она дружески приветствовала нас, и, целуя руку, я мог ещё глубже заглянуть в едва прикрытый кружевами омут... Она безо всякого стеснения выпрямилась... Её темные локоны образовывали прелестный контраст с её розовыми плечами; золотокарие глаза улыбались...».

На пару с супругой Н. Минский перевёл на русский язык несколько пьес великого Мориса Метерлинка, и переводы эти до сих пор считаются лучшими в отечественной литературе. Последовавший рано, в сорок семь лет, уход Людмилы Николаевны из жизни, поэт переживал тяжело, но, будучи мало приспособленным к повседневным заботам, наконец-то, получил возможность соединить свою судьбу с судьбой Зинаиды Венгеровой, младшей сестрой маститого критика, единственным человеком из окружения Минского, которого высоко ценил А. Блок, даривший писательнице свои книги. С самим же гением русской литературы у Николая Максимовича всю жизнь сохранялись весьма натянутые отношения. А. Блок изредка позволял себе публично поиронизировать над его очередной публикацией, за что обидчивый Н. Минский в письмах именовал Блока не иначе, как «идиотом»...

Потеряв вторую жену, Минский во многом потерял и себя самого в творчестве. В прошлом остались увлечения классиками мировой философии – Ф. Ницше, А. Шопенгауэром, в прошлом остался и удивительный философский трактат «При свете совести», в котором Минский объявлял основой всего сущего абсолют-

ное небытие, а основой существования – любовь к себе: «Я создан так, что любить должен только себя, но эту любовь к себе я могу проявить не иначе, как первенствуя над ближним своим – таким же, как я, себялюбом и жаждущим первенства...».

В Париже Н. Минский написал скучную драматическую трилогию, оставшуюся почти незамеченной критикой, а к 300-летию дома Романовых был прощён специальным императорским указом.

Ненадолго вернувшись в Россию, поэт с начала Первой мировой войны служил военным корреспондентом во Франции. Октябрьскую революцию он не принял, переехал жить в Берлин, потом в Лондон, где некоторое время работал в советском торгпредстве, и, в конце концов, поселился с женой в Париже, получая от советского правительства небольшую пожизненную пенсию в 15 фунтов стерлингов, назначенную ему «как революционному поэту за 50-летнюю художественную и научную деятельность».

О жизни Н. Минского в эмиграции известно лишь то, что именно Николай Максимович был создателем и директором Дома Искусств, появившегося в 20-х годах в Берлине. Там, в кафе, напоминавшем Ноев ковчег, собирались А. Толстой, В. Ходасевич, М. Цветаева, А. Ремизов... При этом Минский, будучи оторванным от реалий повседневности, благодушно беседовал и с советскими писателями, и с самыми непримиримыми эмигрантами, не до конца понимая, что же всё-таки их разделяет...

Вдохновившись официальным званием «революционного поэта», Минский сделал попытку с помощью вроде бы покровительствовавшего ему А. Луначарского издать книгу своих избранных произведений на родине. Благо, и повод был весьма подходящий – приближающееся 50-летие творческой деятельности. В марте 1928 года поэт прислал в Гослитиздат рукопись сборника, состоявшего из 2559 стихотворных строк. Был даже заключён договор на выпуск книги семитысячным тиражом с гонораром по 60 копеек за строчку... В январе 1929 г. сданная в производство книга должна была увидеть свет. Но тут в дело вмешалась советская пропагандистская машина. Рецензенты сборника Н. Пиксанов и Н. Асеев посчитали, что книга Минского «будет диссонировать нашему времени», а заведующий литературно-художественным отделом ГИЗа Г. Сандомирский вообще пришёл к заключению, что издание сборника было бы «какой-то странной и ничем неоправданной политической реабилитацией Минского». Разумеется, книгу с производства немедленно сняли, новые стихи, входившие в её состав, безвозвратно утеряны. Известны лишь заглавия не-

которых из них: «Я болен», «Дерево», «На смерть Ленина», «Без сюжета», «В малой склянке».

Получив формальный отказ, негодующий Николай Максимович шлёт директору ГИЗа А. Халатову возмущённое письмо: «Белогвардейские писатели, живущие за границей, находят журналы и издательства для своих старых и новых сочинений. Мне, стоящему на советской платформе и три года состоявшему на советской службе в лондонском полпредстве, в этих издательствах нет места, да если бы меня озолотили, я не напечатал бы у них ни одной строки. Я могу печататься только в советской России». Горькие строки эти как бы продолжают другое письмо поэта, немного ранее адресованное Луначарскому: «На книжном рынке советской России нет ни одного экземпляра моих стихов. Такое положение дел для писателя хуже смерти. После смерти писателя остаются его произведения, но когда его произведений нет на рынке, то это не смерть, а полное небытие».

Заметим, что о неприятии своей личности русской творческой эмиграцией Н. Минский написал чистейшую правду – в книге Ю. Терапиано «Литературная жизнь русского Парижа за полвека, 1924 – 1974» (Париж – Нью-Йорк, 1987) фамилия Н. Минского вообще отсутствует...

Так и не дождавшись издания своих произведений на родине, где предпочли забыть об услуге, некогда оказанной большевикам, почти совсем отойдя от литературы, всеми забытый, Н. Минский тихо скончался на девятом десятке лет 2 июля 1937 года. На похоронах его присутствовало всего несколько человек. Кто-то из эмигрантов читал давние стихи поэта:

Прости мне, Боже, вздох усталости!
Я изнемог
От грусти, от любви, от жалости,
От ста дорог.

Эмигрантская газета «Последние новости» в номере за 8 июля 1937 г. поместила крохотный некролог, в котором были такие строки: «В пятницу в Париже скончался после тяжёлой болезни и долгой, мучительной агонии известный поэт Николай Максимович Минский. Тело его было сожжено в крематории Пер-Лашэз».

Остаётся добавить, что отдельного издания на родине Н. Минский не заслужил до сих пор. Даже в изданном в 2005 году томе «Новой библиотеки поэта», посвящённом ранним символистам, его имя соседствует с именем Александра Добролюбова...

Поэт Евгений Евтушенко, не раз обращавшийся к творчеству Николая Максимовича, написал стихи, где есть такие строки:

Был поэт Николай Минский –
Не ахти какой исполинский.

.....

Как мечтал он читать хоть что-то,
Словно с кафедры, с эшафота.

И случались такие строчки,
Что их можно читать в одиночке.

К этим словам трудно что-то добавить...

Республика Беларусь, Минск.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

В СПб ООК «Аврор» вышли в свет книги Сборников
м тери лов конкурс «Двое», посвящённого п мяти
Д.С. и З.Н. Мережковских 2015 г., и конкурс
«Серебряный голубь России» 2016 г.

З к зыв йте сборники в ред кции журн л по E-mail
tatmiles@mail.ru
gmurikov@yandex.ru